

УДК 111.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42

ПОЛЕТ КАК ОЖИВШАЯ МЕТАФОРА: УАЙТХЕД, ЛАТУР И АВИАЦИЯ

Мышкин Олег Степанович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Мечта о полете волновала человечество с давних времен. Сегодня благодаря развитию гражданской авиации эта мечта не просто воплотилась в реальность но, как может показаться, превратилась в обыденное явление, не представляющее особого интереса для современной философии техники. И все же именно авиационные происшествия и катастрофы время от времени становятся причиной возникновения страха перед засильем технической реальности, способной при определенном стечении обстоятельств не только превратиться в угрозу человеческой жизни, но и подчинить непреложному порядку своего функционирования весь человеческий праксис. Предпринимая попытку обнаружить зазор, в котором остается возможным свободное действие человека, при анализе события полета мы обращаемся к описанию его генезиса с точки зрения современной онтологии — акторно-сетевой теории известного французского философа и социолога науки Бруно Латура и его философского предшественника А.Н. Уайтхеда. Стремление создать такое описание предполагает двунаправленное движение от непосредственной данности грубого факта к обобщениям все более высокого порядка и обратно — к практическому воплощению вновь приобретенной абстракции. Но что происходит в тех случаях, когда сам язык философии оказывается недостаточным для этой цели, когда человеческий разум подходит к пределам своих возможностей описания реальности? Некоторые варианты решения последней проблемы можно обнаружить в работах и философской практике Уайтхеда и его последователей.

Ключевые слова: событие, авиация, актор, сеть, концепт, абстрактное, конкретное, практика.

FLIGHT AS THE ANIMATED IMAGE: WHITEHEAD, LATOUR AND AVIATION

Oleg S. Myshkin

Perm National Research Polytechnical University

The article represents an attempt to describe the event of flight from the standpoint of such ontological conceptions as Philosophy of Process, Actor-Network Theory, Deleuze's Philosophy of the Event. Ancient dream of flying awakes and achieves rise in functioning of modern civil aviation. This sphere of production becomes so interesting for philosophy of technology because it represents work of the great number of actors (machinery, human beings and such unexpected things as volcanoes, viruses and magnetic fields) in one event. But the progress of technology is connected with the number of potential risks. And the first of them is abasement of human's role in technological management, that produces the fear of technology. Work-net of modern technologies, as many philosophers claim, inhibits every manifestation of human's free will and transforms autonomous human into the slave of technology. Philosophy can not save us from this fear, but it helps us to understand mechanics of functioning productive machinery and, may be, to discover the gap of freedom in a dense network of technology.

Keywords: event, aviation, modern ontology, ANT, concept, production.

*Так мы начали сооружать крылья
нашей свободы.*

Миф о Дедале и Икаре

Введение

Сегодня философия даже в рамках тех направлений ее развития, которые в той или иной мере тяготеют к классическим способам изложения философского знания, подобно естественным наукам стремится по возможности избавиться от всех элементов поэтического языка. Отчасти тот факт, что литературные приемы стали средствами, не дозволенными при построении философских систем, обязан своим существованием длительному господству аналитической традиции, продолжающей оказывать значительное влияние на англоязычную философию. Между тем в дискурсе европейской культурной мысли как целого продолжают функционировать метафоры, способные в силу своей эстетической образной силы, а также по причине своей исторической укорененности в сознании каждого европейца быть одним из продуктивных источников работы философской, эстетической и технической мысли, особенно на высочайших ее уровнях — тех, где речь идет уже не об описании грубого эмпирического факта, а о предельной генерализации, для преодоления и продолжения которой человеческому разуму, увы, так часто недостает сил. Проблема возможностей и ограничений языка как знаковой системы, стоящей между человеком и миром, достаточно обстоятельно анализируется в работах профессора кафедры философии Пермского государственного университета Н.И. Бересневой и ее коллег. В частности, в статье «Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков» Н.И. Береснева и В.Д. Береснев пишут: «Итак, между человеком и миром находятся не только ощущения, но и язык. Язык — это тюрьма для духа, человек заперт в языке. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то человек никогда не может выйти из языковой тюрьмы» [1, с. 265]. Признавая значимость, а также сохраняющиеся и сегодня эвристические возможности классической современной онтологической схемы, в которой язык выступает в качестве медиума между идеальным (сознанием) и материальным (миром), все же хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в одном из своих основных трудов — «Процесс и реальность» А.Н. Уайтхед предлагает оригинальное решение проблемы языка философии посредством введения новой онтологической схемы. Построение последней предполагает сознательный отказ от чрезмерного внимания к языку и преодоление таких распространенных привычек мысли, как доверие к языку в

качестве средства адекватного выражения высказываний и применение субъектно-предикативных форм выражения. Разумеется, проблема языка философии рассматривается Уайтхедом и его последователями, однако, будучи помещенной в иные, неклассические, онтологические координаты, она изрядно теряет в метафизической значимости, превращаясь скорее в проблему ограниченности метода философского познания, свойственного той или иной конкретной системе метафизики. Исследователь философского проекта А.Н. Уайтхеда Стивен Шавиро в предисловии к книге «Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делез и эстетика» отмечает данную тенденцию, развитую Уайтхедом вопреки магистральному движению философии его времени, сравнивая Уайтхеда с Хайдеггером: «Хайдеггер требует от нас “терпеливо прислушиваться к голосу Бытия”. Он преклоняется перед загадками языка, перед теми путями, какими тот зовет к нам и направляет нас. Уайтхед предлагает гораздо более открытый, плюралистичный взгляд на способ работы языка. Он понимает, что язык содержит в себе тайны, что он отнюдь не является всего лишь средством или инструментом. Но также он предостерегает нас против преувеличения важности языка. Он постоянно отмечает связанные с языком затруднения, что также означает неадекватность сведения философии к возвеличиванию и анализу языка» [2, р. ix–x].

От абстракций метафизики к реальности события

Известный в России в основном лишь специалистам по истории англоязычной мысли начала XX в. «странный» философ, который неожиданно — в обстоятельствах засилья позитивизма и частично (в согласии с английской традицией) переложенного на эмпирические рельсы гегельянства — предложил заново построить метафизику в модифицированной, но все же традиционной *par excellence* форме когерентной системы общих идей, восходящей от наличной данности грубого факта к абстракциям все более высокого порядка, Альфред Норт Уайтхед, говоря о недостаточности эмпиризма (не только классического эмпиризма Бэкона и Локка, но и широко понятого эмпиризма, который остается негласно подразумеваемой основой всей современной науки), писал: «Для создания метафизики не годится метод приведения мысли к строгой систематизации на основе детализированных различий предшествующих наблюдений» [3, с. 274]. Самим процессам наблюдения и систематизации, какими бы сложными и опосредованными они ни были, в каких обстоятельствах они бы ни происходили, всегда предшествует порождающая, онто-генетическая работа по-

эсиса — производство нас самих как телесных и познающих существ, как *rebus cogitatis*, осуществляемое в схватывании нами с помощью силы продуктивного воображения окружающих актуальных сущностей. Говоря о недостаточности языка классической науки для целей метафизики и о необходимой роли продуктивного воображения, Уайтхед, будучи математиком, человеком наряду с Б. Расселом внесшим значительный вклад в понимание оснований этой науки, обращается к творчеству английских поэтов: Кольриджа, Вордсворта, Шелли и др. «Художественная литература множеством нитей связана с научной, философской. Она, как и философия, — один из видов использования языка. А поскольку язык есть действительность мысли, то развитие литературы находится в несомненной связи с развитием теоретического мышления, хотя и не тождественно ему» [1, с. 266]. Согласно Уайтхеду, язык поэзии, который сегодня может еще при надлежащем подходе сослужить полезную службу метафизике, слишком поспешно отвергается современной философией. Среди прочего Уайтхед предлагает в качестве *одной из образных моделей своего учения* небезынтересную метафору. Он пишет: «Подлинный метод открытия подобен полету аэроплана. Он взлетает с поверхности конкретного наблюдения; он осуществляет полет в прозрачном воздухе воображаемых обобщений; и он снова приземляется для получения новых наблюдений, которые с помощью рациональной интерпретации делаются более проникательными. [...] Такое мышление снабжает нас различиями, которые не даны непосредственному наблюдению. Оно даже может иметь дело с противоречивостью, а также способно освещать непротиворечивые и постоянные элементы опыта, сравнивая их в воображении с тем, что с ними несовместимо» [3, с. 275].

Возможность свободного полета, будоражившая умы людей с древности, становится символическим выражением самой сути учения Уайтхеда, сути последней из предложенных значительных систем метафизики. Аналогия между работой мысли и полетом аэроплана повторяется в текстах Уайтхеда неоднократно. Разумеется, сама по себе она не перестает быть всего лишь элементом художественного языка, создающим контраст с обычным сухим и догматическим стилем повествования англо-американского мыслителя.

Следует помнить, что одним из главных контраргументов Уайтхеда против классических систем эмпиризма является то, что он определил как «ошибку подмены конкретного», при которой нечто выводится из той или иной абстракции, но при этом не учитывается уровень всеобщности/конкретности, которому данная абстракция принадлежит. Ошибка

метафизиков Нового времени заключалась в том, что они долгое время тратили силы, пытаясь изобрести способ вывода конкретного из абстрактного, а когда ту или иную метафизическую систему постигал ожидаемый крах, то стремились обнаружить его причину в структуре рассматриваемой системы, в некогерентности производимых в ней выводов или, в лучшем случае, в ошибочности ее оснований. С точки зрения Уайтхеда, заблуждение кроется не в отдельных способах, какими конкретное пытаются вывести из абстрактного, а в ошибочности самого подхода: на вопрос «Каким образом конкретное выводится из абстрактного?» следует дать ответ «Никак». Мысля общие схемы и категории, метафизика должна разяснять их, опираясь на более конкретное, но не наоборот. Причиной тому необходимость учета самого процесса генезиса общих идей: абстракции, обобщения (в данном случае правильное было бы говорить концепты, но данный термин появится позднее) порождаются, возникают, отмирают и переходят в бессмертие так же, как и прочие актуальные сущности нашего мира. Уайтхед и те, кто следует за ним в этом аспекте, не задавались целью поставить под сомнение ни реальность абстрактного, ни реальность конкретного, как раз наоборот: описание генезиса как процесса порождения и прохождения реального само с необходимостью требует принять во внимание, что идеи, как и вещи, не изолированы от мира, пребывающего в процессе становления. Процесс становления, протекающий в схватывании актуальными сущностями других сущностей в единствах отношения является первичным, а конкретная определенность актуальной сущности зависит в конечном пределе от свойственного ей способа сращения — способа, каким она вступает в отношения с другими актуальными сущностями в единстве *события* сращения. Способы мышления, опирающиеся на статичные абстрактные схемы (где идеи представляются как бы вне- или надисторичными), как правило, упускают движение и изменение, постоянно порождаемую и непрерывно изменяющуюся сеть отношений, а это значит, что они упускают из своего поля зрения первичную данность события.

Известный исследователь творчества Уайтхеда Кейт Робинсон в статье «Делез, Уайтхед и разворот платонизма» указывает на неожиданное сходство, обнаруженное самим Уайтхедом в качестве одного из доводов для обоснования доктрины, в которой он, противореча общепринятым традициям европейского научного мышления, утверждает примат динамики, становления, процесса и [постоянно продуцируемого] отношения над статикой субстанций и неизменных [первичных] качеств. Робинсон пишет: «Тогда как Уайтхед был критиком “статического за-

блуждения” у Платона и греков, [в поздних диалогах Платона — “Софисте” и “Тимее”] он также обнаружил нечто для разворота вспять статического заблуждения и представления альтернативной модели. [...] Уайтхед любит цитировать “Софиста”, в котором определение бытия — “просто сила”, или “бытие есть энергия, вытекающая из силы [...] нечто, причиненное чем-либо, существует”, “никакое сущее не есть форма сущего” и т.д.» [4, р. 133] Согласно Уайтхеду, движущей силой процесса мышления является продуктивное воображение, или, выражаясь точнее, способом схватывания, свойственным человеческим существам, а также базовым фактором при порождении новых идей является *имагинативное проникновение*. Но его результат — абстракция, идея, образ, будучи актуальным продуктом интеллектуального производства, также приобретает и самостоятельную реальность даже при том, что его влияние на реальность вещей в силу специфики его способа существования имеет совсем иной характер, нежели привычное каузальное взаимодействие между самими вещами. С позиции генезиса актуальности идея всегда остается и пребывает сущей, но не действующей (в смысле обычного действия в цепи причин и следствий) силой. И все же можно утверждать, что идеи как-то проникают в актуальную реальность. В свете современного понимания логики производства (тотального производства бытия, общественного производства, технического производства и производства общественных отношений) обобщенное указание на человеческую практику как таковую в духе немецкой классики от Канта до Маркса оказывается недостаточным. Причина этого — в непосредственном наблюдении грубых фактов современного мира, в котором практика зачастую не описывается классическими моделями взаимодействия «человек–природа», «человек–техника», «человек–человек», «человек–общество», etc. Проблема заключается, во-первых, в размывании границ регионов человеческого и нечеловеческого: в технической, эстетической, моральной и других видах практик действующими акторами сегодня часто оказываются уже не конкретные наделенные сознанием человеческие индивиды, взаимодействующие с чем-то определенно внешним, нечеловеческим, но более сложные гибридные акторы, образованные в ходе сетевого взаимодействия. Тем не менее человек отнюдь не исключается из практики, он все так же входит в производственные отношения, но по-новому — способами, которые наверняка заставили бы немецких классиков удивиться. Во-вторых, изменилась роль конкретного человека в цепи производства. Наши когнитивные и физические способности все менее отвечают требованиям бесконечно ускоряющегося темпа и все более слож-

ной локализации процесса глобального производства. Прямо пропорционально такому росту падает значимость индивидуального. Повсюду машины и машины машин, человек не исключение из реальности кишения механизмов. Нельзя сказать даже, что они окружают нас: мы сами и есть точно такие же машины, пусть и гордящиеся (по праву или нет) некоторыми исключительными способами своего функционирования — как если бы логика наших чувств, например чувства гордости, не оказывалась бы на поверку все той же логикой машин. Реальность, данная в грубом факте, сама расставляет все и вся по своим местам. Сегодня мы уже далеки от романтической иллюзии, согласно которой *мы* будто бы управляем распределением потоков становящегося сущего.

Анти-Икар?

Следуя уайтхедианскому методу начнем с непосредственной данности грубого факта. Нам нужен пример, наиболее ярко иллюстрирующий момент возрастающей процессуализации сущего. В требуемом феномене логика ускорения должна достигать своего максимума: экономического максимума вовлеченности потоков людей и капитала, максимума требований к человеку (как интеллектуальных, так и физических), максимума сложности вовлеченных в процесс производства технических средств, максимума сложности сетей и необходимой скорости их функционирования, максимума включенности отдельного человека и машин, продуктом работы которых он является, в более широкие сетевые отношения, максимума качества (точности действия согласно алгоритму) и скорости действия отдельных акторов внутри производящей сети. И здесь метафора Уайтхеда оказывается пророческой: сложно подобрать факт современной реальности, в большей степени отвечающий нашему запросу, лучше иллюстрирующий динамику процесса становления, чем современная авиация.

В античной Греции мечта о полете была воплощена в мифе о Дедале и Икаре. Сама идея полета была уже тогда, грекам лишь недоставало материальных средств для ее воплощения. Впрочем, они компенсировали невозможность настоящего полета тем, что практиковали его отчасти. Уайтхед по этому поводу замечает: «Платону нравилось мореходство, спорт аристократов. Мореходство — поворот и мгновение, в котором все пребывает в становлении и нет ничего статичного» [4, р. 135]. С точки зрения истории метафора, мысль, идея (в широком значении всякого единичного элемента содержания сознания) ожила 17 декабря 1903 г., но в действительности она была жива уже во времена Платона. Благодаря достижениям человеческой мысли, опираю-

щейся на способность продуктивного воображения, сегодня полет — это каждодневная реальность. В наши дни мечта о полете превратилась даже не просто в реальность, а в обыденность. Тысячи людей находятся в воздухе каждый час, каждую секунду, каждое мгновение. Перелет из одного населенного пункта в другой еще при жизни Уайтхеда перестал быть событием в расхожем смысле этого слова, однако он остается событием в философском смысле, коль скоро, как пишет Жиль Делез в главе «Складки», посвященной Уайтхеду, «все есть событие». Всякое событие отсылает к бесконечной цепи схватываний, в которой субъект схватывания сам есть «предсуществующее или сосуществующее схватывание, так что всякое схватывание есть прегензия прегензий, а событие — “узел прегензий”» [5, с. 137]. В событии всегда присутствует некий X, некая производная сторона существования актуальной реальности, которая как бы изымается из сферы доступного нашему познанию, шире — из сферы актуального, но лишь с тем, чтобы в самой своей изъятости продолжать действовать в реальности, предоставляя варианты, реальные возможности развития мира. Событие не является чем-то внеположным по отношению к актуальной реальности — более того, всякое схватывание реального в актуальном происшествии, в том числе и мыслительное схватывание нами окружающих вещей/событий парадоксальным образом имеет своим горизонтом потенциальное, событие как реальную возможность. Греки понимали это гораздо лучше нас: отсюда та роль, которая приписывалась ими судьбе. И все же их мышление, будучи подчиненным современному им математическому идеалу, оставалось по преимуществу линейным. Потому судьба неизбежно превращалась для них в рок: что бы ни делал Эдип, он неминуемо убьет своего отца и женится на собственной матери согласно предсказанию. Делез и Гваттари посвятили сотни страниц анализу структуры и происхождения эдипизированного сознания и самого процесса эдипизации, а также предложили возможные варианты преодоления внутреннего Эдипа. Но нет ли своего Эдипа и в том, что касается техники?

Французский философ Бруно Латур продолжил критику философского проекта Нового времени. В своей знаменитой книге «Нового времени не было» он среди прочего предложил новый взгляд на технику, поставив под сомнение казавшееся незыблемым современное понимание границ между человеческим и нечеловеческим (в том числе техническими артефактами), опирающееся на искусственные абстракции чистого субъекта и чистого объекта. Латур указывает на очевидный факт: большая часть того, с чем мы вынуждены иметь дело, не является

(и никогда в действительности не являлась) ни субъектом, ни объектом, но представляет собой нечто, располагающееся между этими двумя полюсами, искусственно поддерживаемыми современным пониманием мира. Это нечто представляет собой «третье сословие вещей», гибриды или квазиобъекты. Латур вопрошает: «Где разместить все эти гибриды? Человечны ли они? Человечны, поскольку они наше творение. Являются ли они природными? Да, поскольку они не являются созданными нами. Носят ли они локальный или всеобщий характер? И то и другое» [6, с. 118].

Но не демонстрирует ли современная авиация по меньшей мере некоторые свойства гибрида? Рассмотрим летящий на эшелоне 10 000 м современный авиалайнер как событие. Является ли оно локальным или глобальным? Какие сети и акторы в нем участвуют? Каким способом его отдельные элементы включаются в единство данного события и какова роль каждого из них? Как это событие вписывается в логику общественного производства?

При ответе на поставленные вопросы мы будем продвигаться от описания тех сетей и акторов, которые локализованы непосредственно в авиалайнере как техническом артефакте ко все более глобальным сетям, прямо или опосредованно участвующим в событии полета. Итак, «мозгом» самолета является бортовой компьютер, в который стекаются потоки данных от сотен датчиков, расположенных в разных его частях. Наибольшей значимостью, разумеется, обладает информация, приходящая от датчиков, расположенных в жизненно важных системах: двигателях и системах управления ими, топливных баках, системах управления рулем высоты и рулем направления, управлением положением закрылков, предкрылков и интерцепторов, положением триммеров руля высоты и руля направления, систем определения горизонтальной и вертикальной скорости, положения самолета относительно линии горизонта, датчиков температуры и задымления в отдельных агрегатах и в салоне самолета и огромного множества других. В тело самолета инкорпорирована обширная локальная компьютерная сеть. Она, в свою очередь, связана с глобальной компьютерной сетью, посредством чего на бортовой компьютер и от него передаются данные о географическом положении лайнера. Посредством радиосвязи самолет связан с диспетчерскими пунктами, в свою очередь оборудованными радарными, помогающими зафиксировать пространственное положение всех находящихся в воздухе летательных аппаратов, пространственное положение наземных объектов, состояние погоды в районе полета и т.д. Человеческие существа (пассажиры, пилоты и другие члены экипажа, диспетчеры, метеорологи, инженеры, техники, менеджеры авиакомпаний, обслуживающий

персонал, инспекторы и следователи, авиационные эксперты и т.д.) также инкорпорированы в эту сеть в качестве необходимых элементов, подчиненных логике ее функционирования. Но последнее означает, что с включением в эту сеть каждого конкретного человека в нее каждый раз входят мириады новых агентов, остающихся до времени незаметными, но способных оказать решающее влияние на событие полета. По своей природе они могут быть связаны со всем, что так или иначе оказывает причинное воздействие на человека, а через него — на всю сеть. Упомянем лишь самые очевидные типы таких агентов, опосредованно воздействующих на событие полета через человека. Они могут иметь самую разную природу — как естественную, так и социальную. Среди них биологические агенты (излишне распространяться о важности физического состояния пилота, но решающим может оказаться и состояние рабочего, собиравшего ту или иную деталь самолета на заводе, и состояние диспетчера, на секунду потерявшего концентрацию внимания из-за болезни, вызванной, например, вирусом гриппа), агенты, принадлежащие области психологии (например, сложно подсчитать количество авиакатастроф, причиной которых явилась ненадлежащая психологическая атмосфера в кабине пилотов), лингвистические (одно-единственное неточно произнесенное диспетчером слово может послужить причиной катастрофы), социально-экономические (гиперэксплуатация персонала авиакомпаниями стоила жизни сотням пассажиров и членов экипажей). Помимо того что так или иначе связано с работой конкретных людей в качестве акторов сети, в становлении которой конституируется событие полета, существует огромное множество нечеловеческих агентов. Действие одних из них относительно предсказуемо, но все равно может оказаться губительным. Таковы, например, обстоятельства полета, связанные с физическими свойствами материалов, из которых изготавливаются узлы и агрегаты самолета, с физическими характеристиками условий полета: давлением, температурой, влажностью, скоростью и направлением ветра и т.д. Другие имеют химическую природу: например, ускоренная коррозия элементов конструкции вследствие частых полетов над морем. Но порой решающее воздействие оказывается такими природными агентами, предположение о воздействии которых до момента аварии кажется совершенно невероятным. Например, вопрос: как может угрожать лайнеру, летящему на высоте одиннадцати километров, тектоническая активность? Ответом на него является реальное авиационное происшествие, когда 24 июня 1982 г. все четыре двигателя самолета «Боинг-747», выполнявшего рейс «British Airways-9», вдруг остановились из-за попадания в них абразивных частиц, содержащихся в облаке вул-

канического пепла, в которое влетел не предупрежденный заранее об извержении вулкана на пути полета экипаж. Приведенные нами факты скупы и схвачены чрезмерно поверхностно, но их перечень все же позволяет в какой-то мере заметить, что в конституировании события полета участвует огромное множество видимых и скрытых акторов, обладающих как человеческой, так и нечеловеческой природой.

Тема онто-экономических аспектов функционирования современной гражданской авиации и воздействия экономических факторов на сам процесс полета заслуживает отдельной книги. Здесь важно отметить, что авиационная отрасль демонстрирует предельную интенсивность всех основных качеств современного капиталистического производства. Бесконечные потоки пассажиров, потоки денег, потоки машин, потоки топлива и гидравлической жидкости, потоки информации, линии воздушных трасс и их пересечения, узлы диспетчерских пунктов, транспортные узлы аэропортов. Разве данная картина не может служить прекрасной иллюстрацией философии Жюлья Делеза и Феликса Гваттари, особенно их размышлений об онтологическом устройстве современного производства?

Заключение

И все же мы не перестаем задаваться вопросом о перспективах нашего существования во всецело имманентном мире вещей/событий. В чем действительная причина нашей тревоги, наших страхов относительно техники? Является ли наша отчужденность от мира вещей непреодолимой? Где искать того Гелиоса, что постоянно оплавляет наши крылья, стоит только нам взлететь чуть выше? Должны ли мы отказаться от своего разума, чтобы примириться с реальностью тотально технизированного существования? Бруно Латур отмечает, что именно работа созидания абстракций (очищения) одновременно отрицает/осуществляет проникновение в то, что находится в «несуществующем» пространстве между рациональными субъектами и объектами (работу медиации): «Дуализм природа/общество необходим для Нового времени, чтобы оно могло увеличить масштаб смешивания объектов с субъектами» [6, с. 108]. Многие летчики, сумевшие избежать катастрофы в обстоятельствах, которые не были описаны ни в одном руководстве по летной эксплуатации, на вопрос о том, как же им это удалось, отвечают одинаково: в решающий момент я и машина стали одним целым. Эти утверждения отнюдь не являются просто красивыми словами — они передают реальные ощущения человека, поставленного в критическую ситуацию, когда на кону стоит жизнь или смерть, и действующего на пределе физических и когнитивных способностей. Напряженная работа

мысли, мысли предельно рассудочной, алгоритмизированной до мельчайших подробностей, буквально воплощается в события, но самой по себе ее не всегда достаточно для того, чтобы избежать катастрофы. Здесь вступает в действие умение слиться всем своим существом с жизнью механизма, стать равноправным актором, включенным в функционирование гибридной сети, необходимое чтобы перенаправить направление ее становления. Не обнаруживается ли здесь некий зазор, некое игнорируемое современным пониманием мира (есть рациональный субъект, есть вещь, и они никогда не смешиваются) поле свободы? Но свобода всегда предполагает равноправие. Это поле свободного решения раскрывается только при том условии, что человек безоговорочно признает автономию существования вещей и действует в согласии с таким пониманием своего места, своей роли в качестве равноправного актора в производстве бесконечно сложного в своей конкретности события. И наоборот, катастрофы зачастую происходят тогда, когда пилоты пытаются действовать строго по инструкции в ситуации, этой инструкцией не предусмотренной. Конкретность каждого единичного события полета никогда не будет схвачена никакой инструкцией и никаким алгоритмом. Кажется, что в этом человеческий разум действительно терпит поражение и потому в ужасе немеет перед непредсказуемостью технического существования. Однако и свое поражение он умеет превратить в свой триумф. Не случайно огромные материальные и человеческие ресурсы расходуются на расследование причин авиакатастроф: исследуя в мельчайших подробностях причины крушения и действуя при этом весь научный инструментарий, подаренный нам Новым временем, человеческий разум совершает все ту же работу очищения. Он вписывает в историю развития абстрактных схем и алгоритмов все новые главы, он уточняет и совершенствует инструкции, делая их все более адекватными конкретности отдельного события.

Ужас и оцепенение при виде непреложного порядка функционирования технического проистекает не от самих технических артефактов. Его истинная причина в неспособности понять порядок события (со)существования человека и техники и способы самоконституирования, которые присущи техническому как таковому.

Список литературы

1. Береснева Н.И., Береснев В.Д. Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 1. С. 265–270.

2. Shaviro S. Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics. Cambridge, MA: The MIT Press; London, 2009. 190 p.
3. *Yaïmxed A.* Избранные работы по философии: пер. с англ. / сост. И.Т. Касавина; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
4. *Robinson K.* Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism // Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections / ed. by K. Robinson. University of South Dakota, 2009. P. 128–144. DOI: 10.1057/9780230280731.
5. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко: пер. с фр. Б.М. Скуратова / общ. ред. и послесл. В.А. Подороги. М.: Логос, 1997. 264 с.
6. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии: пер. с фр. Д.Я. Калугина / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Получено 03.12.2016

References

1. Beresneva N.I., Beresnev V.D. [Text as a demiurge of subjectivity in Philosophy and Literature of XX–XXI centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University]. 2011, vol. 17, no. 1, pp. 265–270. (In Russian).
2. Shaviro S. Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics. Cambridge, MA: The MIT Press; London, 2009, 190 p. (In English).
3. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990, 718 p. (In Russian).
4. Robinson K. Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism. *Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections* / ed. by K. Robinson. University of South Dakota, 2009. pp. 128–144. DOI: 10.1057/9780230280731 (In English)
5. Deleuze G. *Skladka. Leybnits i barokko* [The Fold. Leibnitz and the Baroque]. Moscow, Logos Publ., 1993, 264 p. (In Russian).
6. Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We have never been modern. Essay on symmetric anthropology]. Saint Petersburg, EUSP Press Publ., 240 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.12.2016

Об авторе

Мышкин Олег Степанович

аспирант кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6850-3929

About the author

Myshkin Oleg Stepanovich

Ph.D. Student of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnical University,
29, Komsomolsky av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6850-3929

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мышкин О.С. Полет как ожившая метафора: Уайтхед, Латур и авиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 35–42. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42

Please cite this article in English as:

Myshkin O.S. Flight as the animated image: Whitehead, Latour and aviation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 35–42. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42